

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Вавилина Надежда Дмитриевна,

доктор социологических наук, доцент

ректор Нового сибирского института,

Россия, 630027, Новосибирск, ул. Объединения, 82/2

ORCID: 0000-0002-2416-8161

nsu@vponsi.ru

Котов Дмитрий Алексеевич,

главный специалист департамента

информационной политики администрации г. Красноярска,

Россия, 660049, Красноярск, ул. Карла Маркса, 93

ORCID: 0000-0002-3330-4292

SCOPUS ID: 8355230400

E-library AuthorID: 120377

kotov-da@yandex.ru

Аннотация

Кризисное состояние экономики нескольких последних лет привело к усилению социальной тревожности и социальной напряженности в обществе. Особенно это проявляется в развитии крупных территориальных сообществ. Неизбежным результатом роста социальной напряженности является возникновение протестных настроений, которые при определенных условиях могут перерасти в активные протестные действия. Классификация населения в зависимости от их протестного потенциала является важным звеном понимания характера протестной активности. На основе результатов социологического исследования, проведенного в 2015 году в Красноярске, методом кластерного анализа были выделены шесть однородных групп, обладающих различным протестным потенциалом. Исходя из ключевых особенностей кластеров, им были даны названия, основывающиеся на двух признаках: уровне социального самочувствия и уровне протестной активности, – это «благополучные пассивные», «неблагополучные пассивные», «благополучные активные», «средние пассивные», «благополучные нейтральные», «неблагополучные нейтральные». Наибольшим протестным потенциалом обладают две группы: «неблагополучные активные» и «благополучные активные». При общей готовности действовать важным отличием кластеров является их социальное и материальное положение, существенным образом различается структура тревожности.

Ключевые слова: протестный потенциал, протестное ядро, социальная напряженность, социальная тревожность.

Библиографическое описание для цитирования:

Вавилина Н.Д., Котов Д.А. Региональные особенности протестного потенциала в условиях социальной напряженности // *Идеи и идеалы.* – 2018. – № 1, т. 2. – С. 176–189. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-176-189.

Протестные настроения стали неотъемлемой частью сегодняшней реальности. Публикации в средствах массовой информации, результаты социологических исследований свидетельствуют о наличии недовольства среди населения теми или иными изменениями социально-экономических или социально-политических условий в российском обществе. Во многом протестные настроения связаны с усилением в обществе социальной тревожности и социальной напряженности. Социальная тревожность и социальная напряженность неразрывно связаны друг с другом и изучаются в рамках социологии, психологии, философии и политологии [2, 13].

Социальную тревожность можно охарактеризовать как особое эмоциональное состояние: беспокойство, связанное с ощущениями напряжения, ожидания неблагоприятного развития событий. Усиление социальной тревожности может приводить к объективизации факторов, вызывающих тревогу [2].

Под социальной напряженностью принято понимать скрытую форму недовольства социальных групп общественной ситуацией в стране, регионе, районе. Определенный уровень социальной напряженности, называемый фоновым, присутствует всегда. Преодоление порогового уровня социальной напряженности способно спровоцировать негативные социальные последствия. Проявления социальной напряженности могут выражаться как в формировании определенного общественного настроения, так и в массовых действиях: ажиотажном спросе на те или иные товары, акциях протеста и митингах, миграции, активизации деятельности общественно-политических движений, в том числе и экстремистских, в борьбе за власть и влияние в массах и иных формах гражданского неповиновения [12]. Изучению феномена социальной напряженности посвящено достаточно много работ как отечественных, так и зарубежных исследователей, которые в большинстве случаев связывают социальную напряженность с социальной дезинтеграцией, девиацией, аномией, утратой социальной идентичности, депривацией, фрустрацией основных потребностей личности [3–5, 7, 8, 10, 11, 14].

Протестные настроения неразрывно связаны с усилением уровня социальной тревожности и социальной напряженности. Протестное поведение является крайней формой проявления социальной тревожности и социальной напряженности. Немаловажным фактором, ускоряющим фор-

мирование протестного потенциала, является активной жизнью современного мегаполиса.

В каждом политическом сезоне, когда предстоят ключевые для страны события (например, выборы в государственные органы власти), становится актуальным анализ положения различных социальных групп населения и их протестного потенциала. Отсутствие такого анализа может привести к непониманию природы и характеристик протестного ядра, что важно учитывать особенно в связи с потенциально широкими возможностями внешнего влияния на внутренние политические процессы в стране [9]. Выделение групп населения, которые обладают значительным протестным потенциалом, дает возможность различным политическим институтам более эффективно организовать работу по снижению социальной тревожности и социальной напряженности, формировать условия продуктивного взаимодействия для решения острых социальных проблем.

Авторами статьи была рассмотрена гипотеза о том, что группы населения, несмотря на объединяющий их высокий уровень протестного потенциала, имеют отличия в материальном положении и структуре социальной тревожности, что влияет на характер протестной активности на уровне конкретных сообществ.

Методика

В основе данной работы лежат результаты социологического исследования, проведенного в городе Красноярске в октябре 2015 года¹. Для целей исследования был определен набор показателей, позволяющий оценить состояние социальной тревожности и социальной напряженности:

– самооценка респондентами своего материального положения (задавался вопрос «Как Вы оцениваете материальное положение своей семьи?»);

– отношение респондентов к текущей ситуации (задавался вопрос «Если говорить о Вас, Вашей семье, какое из нижеприведенных высказываний более соответствует сложившейся ситуации?»);

– самооценка изменений в жизни респондентов, произошедших за последний год (задавался вопрос «Если взвесить все за и против, как изменилась Ваша жизнь в целом за последний год?»);

– социальный оптимизм респондентов по отношению к своему будущему (задавался вопрос «Как Вы считаете, жизнь в городе в ближайшем будущем..?»);

¹ Анкетный опрос проводился по репрезентативной выборочной совокупности в городе Красноярске. Выборочная совокупность исследования репрезентирует население города Красноярска в возрасте от 18 лет и старше по критериям пола, возраста и образования. Объем выборочной совокупности исследования составил 1100 человек. Величина средней ошибки не более $\pm 3,0\%$.

– социальные проблемы, вызывающие наибольшее беспокойство у респондентов (задавался вопрос: «Какие из проблем нашего общества беспокоят Вас лично больше всего?»);

– самооценка респондентами вероятности проведения акций протеста в городе (задавался вопрос «Как Вы думаете, насколько возможны сейчас в нашем городе акции протеста?»);

– готовность респондентов принять личное участие в акциях протеста (задавался вопрос «Если такого рода массовые выступления протеста состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?»).

Задача классификации респондентов с учетом уровня их социальной тревожности и социальной напряженности была выполнена с использованием кластерного анализа, являющегося удобным инструментом выделения однородных групп на основе многомерного массива данных. Респонденты, затруднившиеся дать ответ на вопрос или отказавшиеся от него, были исключены из анализа для приведения шкал к порядковым. В связи с тем, что при проведении кластерного анализа оптимальное количество кластеров заранее не известно, были проведены расчеты решений, включающих в себя от двух до семи кластеров.

Кластерный анализ проводился с использованием метода «K–средние», где за начальные центры кластеров принимаются случайные объекты, после чего происходит отнесение каждого объекта исследования к тому кластеру, к центру которого он ближе всего находится. По окончании процедуры отнесения объектов к кластерам центры кластеров пересчитываются. Определение оптимального количества кластеров было выполнено путем анализа их однородности, что позволило выделить шесть максимально однородных кластеров, удаленных друг от друга на максимальное расстояние [1, 6].

Результаты исследования

Перед проведением кластерного анализа стоит подробнее рассмотреть значения показателей, позволяющих охарактеризовать социальную тревожность и социальную напряженность в обществе.

Проведенное исследование позволяет разделить респондентов на пять групп исходя из их самооценки материального положения (табл. 1). Как можно видеть, две трети респондентов (66,7 %) относят себя к категории, которую можно считать средней по положению, характеризуя свое материальное положение как «живем нормально, но приходится экономить». Почти четверть респондентов (22,8 %) отнесли себя к категории, имеющей достаток ниже среднего, отметив вариант ответа «Денег хватает только на питание». Доля респондентов, оценивших свое материальное положение как выше среднего, достаточно мала и составляет 7,8 %

(сумма позиций «Денег на жизнь хватает» и «Достаточно состоятельны, чтобы хорошо жить»).

Таблица 1

Структура оценок своего материального положения жителями города Красноярска (в % от количества ответивших)

Варианты ответа	Процент от ответивших	Доходная стратификация
Живем за гранью бедности, не хватает даже на питание	2,6	25,4
Денег хватает только на питание	22,8	
Живем нормально, но приходится экономить	66,7	66,7
Денег на жизнь хватает	7,3	7,8
Достаточно состоятельны, чтобы хорошо жить	0,5	
Затрудняюсь ответить	0,1	—

Устойчивость респондентов к изменяющейся ситуации и готовность их с терпением относиться к сложившейся ситуации является важным показателем при определении уровня социальной тревожности и социальной напряженности. Для этой цели используется показатель, основанный на вопросе «Если говорить о Вас, Вашей семье, какое из нижеприведенных высказываний более соответствует сложившейся ситуации?» (табл. 2). Как можно увидеть из результатов опроса, почти половина (44,3 %) респондентов занимает конформистскую позицию и готова терпеливо переносить жизненные трудности, с которыми сталкивается. При этом треть (33,5 %) респондентов считает сложившуюся ситуацию достаточно хорошей.

Таблица 2

Характеристика социальных ожиданий респондентов (в % от количества ответивших)

Варианты ответа	Процент от ответивших
Всё не так плохо, и можно жить	33,5
Жить трудно, но можно терпеть	44,3
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	13,5
Затрудняюсь с ответом	8,7

Самооценка респондентами изменений, произошедших в их жизни за последний год, показывает, что у половины (49,5 %) респондентов в жизни не произошло значимых изменений. Несмотря на негативное влияние

кризисных факторов, 16,1 % респондентов отмечают, что в их жизни за последний год произошли положительные изменения. При этом треть (32,5 %) респондентов считают, что в их жизни произошли негативные изменения (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос «Если взвесить все за и против, как изменилась Ваша жизнь в целом за последний год?»
(в % от количества ответивших)**

Варианты ответа	Процент от ответивших
Значительно улучшилась	3,3
Немного улучшилась	12,8
Не изменилась	49,5
Немного ухудшилась	22,5
Значительно ухудшилась	10,0
Затрудняюсь ответить	1,9

Уровень социального оптимизма отражает ожидания населения относительно будущих изменений в их жизни (табл. 4). Возникновение неопределенности, усиление социальной напряженности и социальной тревожности негативно влияют на ответы респондентов, так как население не может прогнозировать свое будущее. В исследуемый период население пока не видит возможностей, способных изменить уровень социального оптимизма в положительную или отрицательную сторону, о чем свидетельствует значительная доля считающих, что в будущем ничего не изменится (45,5 %). В то же время среди населения, которое определилось с самооценкой будущих изменений, оптимистические (24,8 %) оценки преобладают над пессимистическими (14,0 %).

Таблица 4

**Уровень социального оптимизма респондентов
(в % от количества ответивших)**

Варианты ответа	Процент от ответивших
Изменится в лучшую сторону	24,8
Останется без изменений	45,5
Изменится в худшую сторону	14,0
Затрудняюсь ответить	15,7

Высокий уровень социальной напряженности и социальной тревожности в регионе способен проявляться через протестные настроения. Как правило, ухудшение социально-экономических условий усиливает протестные настроения и вероятность проведения активных протестных действий, таких как митинги, пикеты, выступления с политическими или экономическими требованиями. Как показывают исследования, треть (34,7 %) респондентов считают вероятным проведение в городе акций протеста, но почти половина (47,7%) оценивают такую возможность как маловероятную (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, насколько возможны сейчас в нашем городе акции протеста?» (в % от количества ответивших)

Варианты ответа	Процент от ответивших
Вполне возможны	34,7
Маловероятны	47,7
Затрудняюсь ответить	17,6

Кроме оценки населением вероятности проведения акций протеста в городе, важной является оценка готовности лично принять участие в таких акциях протеста. Готовы принять участие в акциях протеста 18,0 % респондентов, в то время как 63,4 % скорее всего не будут принимать участие в таких акциях (табл. 6). Стоит отметить, что доля респондентов, затруднившихся ответить на этот и предыдущий вопросы, достаточно велика (17,6 % и 18,5 % соответственно), и при проведении реальных акций протеста эта категория респондентов вполне может принять в них участие.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Если такого рода массовые выступления протеста состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?» (в % от количества ответивших)

Варианты ответа	Процент от ответивших
Скорее всего да	18,0
Скорее всего нет	63,4
Затрудняюсь ответить	18,6

Используя приведенные выше показатели, был проведен кластерный анализ, позволивший разделить респондентов на шесть однородных

групп. Исходя из ключевых особенностей кластеров, им были даны осмысленные названия, основывающиеся на уровне социального самочувствия и уровне протестной активности. Приведем их краткие характеристики и отличительные черты.

Кластер 1 «Благополучные пассивные». Этот кластер объединяет респондентов, у которых преобладают положительные оценки по отношению к собственному социальному самочувствию. Они считают маловероятным проведение акций протеста и не готовы в них участвовать.

Кластер 2 «Неблагополучные активные». Данный кластер составляют респонденты, находящиеся в сложной жизненной ситуации. Все показатели их социального самочувствия находятся в негативной зоне. По своей сути этот кластер представляет собой протестное ядро, которое готово участвовать в акциях протеста. При этом респонденты, относящиеся к этому кластеру, не имеют значимых отличий от населения в целом в оценке вероятности проведения акций протеста.

Кластер 3 «Благополучные активные». Этот кластер отличается от предыдущего тем, что респонденты оценивают свое материальное положение выше среднего, а их жизнь за последний год осталась неизменной. При этом остальные показатели их социального самочувствия существенно ниже среднего. Респонденты, входящие в этот кластер, считают высокой вероятностью проведения акций протеста и готовы сами принять в них участие.

Кластер 4 «Средние пассивные». Респонденты, входящие в этот кластер, имеют средний уровень социального самочувствия и не готовы принимать участие в акциях протеста, проведение которых они считают маловероятным.

Кластер 5 «Благополучные нейтральные». Респонденты, входящие в этот кластер, отличаются достаточно высоким уровнем материального положения и социального самочувствия, за исключением того, что пессимистически настроены по отношению к своей жизни в будущем. Оценка вероятности акций протеста и готовность принять в них участие не отличается от средних оценок.

Кластер 6 «Неблагополучные нейтральные». Кластер отличается плохим социальным самочувствием респондентов, при этом оценка вероятности акций протеста и готовность принять в них участие не отличается от средних значений.

Размеры кластеров относительно общего количества респондентов (в % от количества ответивших) приведены в табл. 7.

С точки зрения исследования протестного потенциала особенно интересно провести анализ социально-демографических характеристик второго и третьего кластеров. Как показывает анализ, эти кластеры име-

ют значительные сходства и отличия. Во-первых, около двух третей обоих кластеров составляют женщины. Однако во втором кластере преобладают респонденты в возрасте от 45 лет, в то время как третий кластер значительно моложе, фактически это две разные группы населения. Во-вторых, половина респондентов обоих кластеров имеет среднее специальное образование.

Таблица 7

**Размеры кластеров относительно общего количества респондентов
(в % от количества ответивших)**

Значения	Процент от ответивших
1. Благополучные пассивные	18,0
2. Неблагополучные активные	12,0
3. Благополучные активные	13,8
4. Средние пассивные	28,1
5. Благополучные нейтральные	19,8
6. Неблагополучные нейтральные	8,3
Итого ответивших:	100,0

Анализ социальных проблем показывает, что в социально-экономической ситуации, сложившейся осенью 2015 года, население беспокоит в первую очередь такие проблемы, как рост цен, высокие цены на услуги ЖКХ, низкий уровень заработной платы. В анализе протестных настроений населения, принадлежащего ко второму и третьему кластерам (с высоким протестным потенциалом), проявились различия в ранжировании социальных проблем. При анализе второго кластера («неблагополучные активные») не было обнаружено каких-либо существенных отличий в структуре тревожности от населения в целом, в то время как у респондентов, относящихся к третьему кластеру («благополучные активные»), беспокойство экологическими проблемами и тревога за будущее детей и внуков были значительно выше, чем у населения в целом. Таким образом, население, имеющее достаточно высокий уровень дохода, но недовольное своим положением, имеет отличительные черты в восприятии социальных проблем и готово отстаивать свои интересы через акции протеста. Можно предположить, что искусственное усиление значимости этих двух проблем, к примеру, в результате действий каких-то политических сил может существенно повысить вероятность протестной активности данной группы населения.

Выводы и заключение

Подводя итог, можно сказать, что данные проведенных исследований и их анализ позволяют подтвердить выдвинутую гипотезу. В ходе проведенного анализа было выделено шесть кластеров, обладающих отличительными особенностями, два из которых имели высокий уровень протестного потенциала. Важным отличием между этими двумя кластерами явилось то, что входящие в них респонденты относятся к разным социальным слоям по уровню материального положения. Условно можно сказать, что два кластера отличаются друг от друга по уровню оценки своего достатка: ниже среднего и выше среднего. Объединяющими чертами является низкий уровень социального самочувствия и высокий уровень протестного потенциала.

Выявленные отличия в восприятии социальных проблем позволяют предположить, что результаты анализа могут быть использованы органами государственной власти для управления сложившейся социально-экономической ситуацией в целях снижения уровня социальной тревожности и социальной напряженности в группах населения, обладающих высоким уровнем протестной активности. Стоит уделить особое внимание для снятия напряжений, связанных с обеспокоенностью экологическими проблемами и тревогой о будущем, так как они могут быть использованы как повод для дестабилизации ситуации в регионе.

Литература

1. Алексеев А.А., Бараночников В.А. Методика классификации населения региона по протестному потенциалу // *Фундаментальные исследования*. – 2013. – № 10-9. – С. 2090–2094.
2. Баринев Д.Н. Социальная тревожность: аксиологический аспект // *Философия ценностей: религия, право, мораль в современной России: материалы IV Международной научной конференции*. – Курган, 2008. – С. 100–101.
3. Губина Н.В. Управление социальным тонусом монопрофильного города: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Казань, 2010. – 44 с.
4. Козер Л. *Функции социального конфликта*. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 205 с.
5. Котов Д.А. Региональный потенциал протестных настроений: модель и динамика // *Идеи и идеалы*. – 2016. – № 1, т. 2. – С. 72–85.
6. Кузнецов Д.Н. Влияние бедности на уровень социальной напряженности в современном российском обществе (на материалах Орловской области) // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. – 2015. – № 4. – С. 55–60.
7. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // *Социология власти*. – 2010. – № 4. – С. 212–223.

8. Мужанова М.Н. Социальная напряженность в Калмыцкой АССР // СОЦИС. – 1991. – № 7. – С. 100–102.
9. Проказина Н.В., Бочанов М.А. Политическое управление в условиях турбулентности – украинский сценарий // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 6 (36). – С. 133–139.
10. Рукавишников В.О. Пик напряженности под знаком белого коня // СОЦИС. – 1990. – № 10. – С. 15–22.
11. Рукавишников В.О. Социальная динамика и политический конфликт в России: весна 1993 года – адаптация к кризису // СОЦИС. – 1993. – № 9. – С. 28–42.
12. Чернобай П.А. Социальная напряженность: опыт измерения // Социологические исследования. – 1992. – № 7. – С. 94–98.
13. Шмонин Д.А. Методологические предпосылки оценки социальной напряженности в сфере социально-трудовых отношений [Электронный ресурс] // Вестник Самарского государственного университета. – 1999. – № 3. – URL: <http://weblib.ssu.samara.ru/DLib/vestnik/documents/199930702.html> (дата обращения: 13.03.2018).
14. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.

Статья поступила в редакцию 21.03.2017 г.

Статья прошла рецензирование 14.04.2017 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-176-189

REGIONAL FEATURES OF PROTEST POTENTIAL IN THE CONDITIONS OF SOCIAL TENSION

Vavilina Nadezhda,

Dr. of Sc. (Sociology),

Rector of the New Siberian Institute,

82/2, Ob'yedineniya st., Novosibirsk, 630027, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2416-8161

nsu@vponsi.ru

Kotov Dmitry,

Chief Specialist of Information Monitoring

Department of the Krasnoyarsk City Administration,

93, Karla Marksa st., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3330-4292

SCOPUS ID: 8355230400

E-library AuthorID: 120377

kotov-da@yandex.ru

Abstract

The economic crisis associated with imposing of international sanctions and worsening of the material situation of the population over recent years has led to increased social anxiety and social tension in Russian society. Such changes are particularly noticeable in the development of large cities and agglomerations. The inevitable result of the growth of social anxiety and social tension is the emergence of protest moods, which under certain conditions can develop into active protest actions on the part of the population, aimed at opposing worsening of well-being. Classification of the population, depending on their protest potential, is an important part of understanding the nature of protest activity and the motives of the population. Based on the results of a sociological research conducted in Krasnoyarsk, where more than a million people live, in 2015, six homogeneous groups with different protest potentials were singled out using the cluster analysis method. Taking into account the key features of the clusters, they were given names based on 2 characteristics: the level of social well-being and the level of protest activity. These are: "prosperous passive", "non-prosperous passive", "prosperous active", "middle passive", "prosperous neutral", "non-prosperous neutral". 2 groups: "non-prosperous active" and "prosperous active" have the largest protest potential. With a general willingness to act, an important difference between clusters is their social and material position, the pattern of anxiety varies significantly. Based on the data received, the authorities should pay special attention to relieving the tensions associated with environmental concerns and anxiety about the future, as they can be used as an excuse to destabilise the situation in the region.

Keywords: protest potential, protest core, social tension, social anxiety.

Bibliographic description for citation:

Vavilina N.D., Kotov D.A. Regional features of protest potential in the conditions of social tension. *Idey i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 1, vol. 2, pp. 176–189. doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-176-189. (In Russian).

References

1. Alekseenok A.A., Baranochnikov V.A. Metodika klassifikatsii naseleniya regiona po protestnomu potentsialu [Method for classification of the population of the region protest potential]. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental research*, 2013, no. 10-9, pp. 2090–2094.
2. Barinov D.N. [Social anxiety: axiological aspect]. *Filosofiya tsennosti: religiya, pravo, moral' v sovremennoi Rossii: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Materials of the IV International Scientific Conference “The Philosophy of Values: Religion, Law, Morality in Modern Russia”]. Kurgan, 2008, pp. 100–101. (In Russian).
3. Gubina N.V. *Upravlenie sotsial'nym tonusom monoprofil'nogo goroda*. Avtoref. dis. dokt. sotsiol. nauk [Managing social tone of monotowns. Author's abstract of Dr. in Sociology diss.]. Kazan', 2010. 44 p.
4. Coser L. *The functions of social conflict*. New York, The Free Press, 1956. 188 p. (Russ. ed.: Kozler L. *Funktsii sotsial'nogo konflikta*. Moscow, Ideya-Press Publ., Dom intellektual'noi knigi Publ., 2000. 205 p.).
5. Kotov D.A. Regional'nyi potentsial protestnykh nastroyenii: model' i dinamika [Regional potential of protest moods: model and dynamics]. *Idey i idealy – Ideas and Ideals*, 2016, no. 1, vol. 2, pp. 72–85.
6. Kuznetsov D.N. Vliyanie bednosti na uroven' sotsial'noi napryazhennosti v sovremennom rossiiskom obshchestve (na materialakh Orlovskoi oblasti) [Influence of poverty on the level of social tension in contemporary Russian society (on materials from the Orel region)]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki – News of the Tula state university. Humanitarian sciences*, 2015, no. 4, pp. 55–60.
7. Merton R.K. Sotsial'naya struktura i anomiya [Social structure and anomie]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*, 2010, no. 4, pp. 212–223.
8. Mukhanova M.N. Sotsial'naya napryazhennost' v Kalmytskoi ASSR [Social tensions in the Kalmyk ASSR]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1991, no. 7, pp. 100–102.
9. Prokazina N.V., Bochanov M.A. Politicheskoe upravlenie v usloviyakh turbulentnosti – ukrainiskii stsenarii [Political process of modern Ukraine – management under chaos]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk – Central Russian Journal of Social Sciences*, 2014, no. 6 (36), pp. 133–139.
10. Rukavishnikov V.O. Pik napryazhennosti pod znakom belogo konya [Peak tension under the sign of a white horse]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1990, no. 10, pp. 15–22.
11. Rukavishnikov V.O. Sotsial'naya dinamika i politicheskii konflikt v Rossii: vesna 1993 goda – adaptatsiya k krizisu [Social dynamics and political conflict in Russia: the 1993 year – adaptation to crisis]

spring of 1993 – adaptation to the crisis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1993, no. 9, pp. 28–42.

12. Chornobai P.D. Sotsial'naya napryazhennost': opyt izmereniya [Social tension: the experience of measurement]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1992, no. 7, pp. 94–98.

13. Shmonin D.A. Metodologicheskie predposylki otsenki sotsial'noi napryazhennosti v sfere sotsial'no-trudovykh otnoshenii [Methodology preconditions for estimation of social tension in social labor relations]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Samara State University*, 1999, no. 3. Available at: <http://weblib.ssu.samara.ru/DLib/vestnik/documents/199930702.html> (accessed 13.03.2018).

14. Parsons T. *The structure of social action*. New York, Free Press, 1968. 775 p. (Russ. ed.: Parsons T. *O strukture sotsial'nogo deistviya*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2000. 880 p.).

The article was received on March 21, 2017.

The article was reviewed on April 14, 2017.